

Т. А. БЫКОВА

К ИСТОРИИ РУССКОГО ТОНИЧЕСКОГО СТИХОСЛОЖЕНИЯ

(Неизвестное произведение И. Г. Спарвенфельда)

В Университетской библиотеке г. Упсала (Швеция) хранится редчайший экземпляр «Плачевной речи» И. Г. Спарвенфельда, представляющей нечто вроде надгробного слова шведскому королю Карлу XI (умершему 5 апреля 1697 года), произнесенного на русском языке, но напечатанного латиницей. Прекрасная фотокопия этого издания, известного всего в двух экземплярах подарена Упсальской университетской библиотекой Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Иоганн Габриэль Спарвенфельд (1656—1727) — шведский государственный деятель и замечательный лингвист, трехсотлетие со дня рождения которого исполнилось недавно, интересовался славянскими языками и довольно основательно знал русский.

С 1684 по 1687 год он в качестве шведского посла жил в Москве, где, вероятно, и овладел русским языком. Из Москвы он вывез ряд изданий кирилловской печати, ныне хранящихся в Упсальской университетской библиотеке. Там же находится и рукописное наследие Спарвенфельда, среди которого имеются четыре славяно-латинских и один латино-русский словарь. В самом начале XVIII века в Швеции предполагалось печатание одного из этих словарей, и шведский генеральный суперинтендент в Ливонии Николай Бергиус вел переговоры о покупке для этой цели шрифта И. Ф. Копиевского. К этому времени шрифт основанной в 1625 году в Стокгольме славянской типографии был продан в Амстердам. Сделка с Копиевским не состоялась, возможно, что этому помешала Северная война.

«Плачевная речь», судя по заглавному листу, была произнесена Спарвенфельдом не на погребении короля Карла XI, а спустя полгода — в годовщину его рождения, 24 ноября.

Может вызвать недоумение, зачем понадобилось Спарвенфельду произвести, а затем и напечатать речь на русском языке, которую едва ли могли понимать его шведские слушатели и читатели. Ведь не для того, чтобы обнаружить только свое знание русского языка, предпринял он трудное дело сочинения «Плачевной речи»?

Речь эта, официально адресованная к умершему Карлу XI, на самом деле обращена к довольно многочисленному населению побережья Балтийского моря, отошедшего после Столбовского мира 1618 года от России к Швеции. О русских жителях Нарвы рассказывал в середине XVII века

голштинский посол Адам Олеарий в своем «Подробном описании путешествия в Москву и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг.».¹ Основное русское население было сосредоточено на правом берегу Наровы, в Ивангороде, расположенном против Нарвы и иногда в документах называвшемся Нарвским форштадтом. Это русское население занимало в политической жизни Швеции заметное место. Эрнст Глюк, который до переезда в 1703 году в Москву был пастором в Марненбурге, считал нужным перевести для нужд русского населения Лифляндии Библию на русский язык. Перевод погиб во время военных действий 1702 года.² Карл XI и его предшественники издали ряд грамот и указов, касавшихся русского населения, жившего в Ивангороде, причем некоторые указы Карла XI ограничивали права русского, особенно православного, населения.³ Это, может быть, было одной из причин печатания речи Спарвенфельда, которая должна была показать русским подданным в Швеции достоинство умершего короля.

В надгробной речи Спарвенфельд касается многих достижений царствования Карла XI — мир с Данией, отказ польского короля от притязаний на шведский престол, ослабление значения дворян и уменьшение зависимости от них крестьян. Результатом редукции (отнятия имений у дворян в казну) было обогащение государства, благосостояние населения было также поднято развитием морской и сухопутной торговли. Духовенство было подчинено государству, в народе распространялось учение о божественном происхождении королевской власти.

Интересны примененные Спарвенфельдом принципы транскрипции латиницей некоторых русских букв. Для лингвистов эта транскрипция представляет несомненный интерес как попытка научной записи русского произношения конца XVII века:

ae = я	ss = c
e = e и ять	ts = ц
gh = г	vv = в
je = ять	z = з и ж
s = c	

Издание «Плачевной речи» напечатано без имени автора на заглавном листе. Однако в последней строке «Плачевной речи» Спарвенфельд укрыв свою криптограмму: в этой строке — «Истинным Горкого Сердца Фиником» первые буквы, представляющие инициалы автора, на раны особенно крупным шрифтом, в отличие от всего прочего текста, напечатанного сплошь прописными буквами.

Книга состоит из заглавного листа, шести страниц речи и последней, восьмой страницы, на которой помещены стихи, начинающиеся крупным гравированным «I»; в конце речи и стихотворения помещены наборные украшения.

Приводим заглавный лист в русской транскрипции: «Плачевная речь на погребение того преж сего велеможнейшаго и высокорожденнаго князя и государя, государя Каролуса одиннацетого свидских, готских и вандалских (и прочая) корола, славнаго, благоговеннаго, и милостиваго нашего

¹ A. Olearius. Offt begehrte Beschreibung der newen orientalischen Reisen... Schleswig, 1647.

² E. Winter. Halle als Ausgangspunkt der Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953, стр. 167.

³ Д. С. Лихачев. Плач о реке Нарове 1665 г. Труды ОДРА, VI. Л.—М., 1948, стр. 333—338.

государя,⁴ ныне же у бога спасенного. Когда его королевского величества от души оставленное тело, с подобающею королевскою честью, и сердечным всех подданных рыданием бысть погребенно. В Стоколне двадцет-четвертаго новемврия лета от воплощения бога слова 1697».

«Безначального бога наместнику», «воистину славному» государю Карлу XI, меч которого принес благолепие победы и мироуспокоение, «от всех нас горко оплаченному», тому, кто при своей жизни не вызывал слез, «поставляем также дар сей... слезами усердными... от народа славяно-⁵россыского подданные люди и верные рабы», — так обосновывает свое выступление Спарвенфельд. Король «церковных чинов единость укрепити и в дальних ижерских и самоедских порубежных сопределех трудно подвижити, также и расширити восхоташе». О короле «слези разливает вся северная страна скандийская», «достойная воздают рыдания возлюбленнейшему государю», «любовь далеко от себе и из персей своих изкидавшему». Любовь эта была взаимна, все подданные «возвратительно» любят «огречества отца». Касаясь отношению к королю жителей Иванорода, Спарвенфельд уверяет: «любовь любовию воздающая Ругодивска слобода» (старое русское название Нарвы — Ругодив). Король ненавидел «преступления аки казни», покаяние предпочитал мукам, но «не бысть без суровости и царския остроты», он «законов святыю правду оборонити обыкновен быст», отсюда пошло добровольное послушание народа.

Ласковым, смиренномудрым разговором с «меншими» (нижестоящими) Карл XI поднимал их до себя, не умаляя этим своего величества. Своим смирением «благоречивый бога наместник» принудил «варварские отложивше нравы неразумный некогда и скрежещии савроматскы народ» (Польшу) жалеть о преждевременной смерти короля. «Караболо-плаванием, и купледействиа подвижением свидское свое государство, с прочими частми света тако совокупи», привлечением американского золота и серебра, азиатских и африканских шелков и прочих сокровищ король уравниал с ними обделенную природой «землю свио-готскую», т. е. Швецию. Его оплакивают не только «домашние», но и иноземцы, среди них приезжавшие через Московское государство персидские и армянские («кизилбашко-армянские») купцы. Король воскресил истинную верность «вселенскую и посполитую» нижних людей, а не «дворянских кошуников сладкоглаголуших языков».

Спарвенфельд многословно превозносит добродетели Карла XI, почитавшего свою совесть яко «богину», его мужество в бранях, верность слову, смиренномудрие, чистоту добродетели. Он призывает оплакивать смерть короля, «везде звенащую славу», которого «последняя Туле «вероятно, Исландия, — Т. Б.» слышавша». В погребении короля, — утверждает Спарвенфельд, — принимает участие вся вселенная: «Земля даждь гробний холм, реки проливают слезини, Перун запалает светила, воздух здыхает благоуханиа, свезды одеваются чернотиу».

В конце речи Спарвенфельд дает поучение всем властителям: «Да будут разумнии самодержции, бдащии короли и вси всегда к смерти готови... родися воеже вековечно жити. Проживе воеже праведно царствовать, царства же воеже спасенно умрети. Умре воеже вечную честь и спасение достигнути».

Конец речи обращен к новому королю Карлу XII: «Яко из сих драгих королевских пепелей воскресе нам, и останется феникс некий... толикаго отца толь великий сын благочестивый, благомудрый, благоразумием и благодатию возрастаемый самодержавний наш началодержец божию вседержи-

⁴ В подлиннике «госудая».

⁵ В подлиннике «савяно».

телною милостию⁶ пресветлейший и державнейший князь и государь Каролус двенадесятый».

Стихи, присоединенные к «Плачевной речи», снова превозносят скончавшегося короля и в то же время призывают прекратить плач, так как раны сердца исцелятся новым королем Карлом XII.

Приводим стихи полностью, в русской транскрипции:

Имже восточное солнце сияет
 Славяне слышите что возвещает
 Глас оплачлив из северных страны
 Яко король преставися избранный
 Горе нам сведским яко согрешихом
 И непослушныи⁷ богами быхом
 Паде венец добродетелей, слави,
 Им же венчанныя быша нам глави
 Где иному королю тыи цвети?
 В души единной могли ли поспети?
 Бе с'благочестием⁸ связана крепость?
 С'великодушием, бдение кротость
 Со воздержанием чистота, милость
 И с'люботрудием правда, премудрость.
 Все сих величество все совершенно
 Бяше велику Каролу собственно
 Ныне в'селенней неправда владеет
 И христианска любовь оскудеет⁹
 Для того мирскии¹⁰ цари рыдайте
 Миротворителя мира плакайте
 Иже державу в'воине принимаше¹¹
 И во преславном мире же скончаше
 Вы также мир и покой возлюбите
 Миропогубники вси разорите
 Цела Еуропа слезы проливает
 Мир без Каролуса кто ей подает?
 Кто свигогтским будет утешитель
 Умре бо храбрыи враг победитель
 От его руки враги побегоша
 И противитися не возмогоша.
 Друзи не плакайте як исцелися
 Нашего сердца рана. И явися

⁶ В подлиннике «милостию».

⁷ В подлиннике «непослушныи».

⁸ В подлиннике «с'багочестием».

⁹ В подлиннике «окудеет».

¹⁰ В подлиннике «мирскии».

¹¹ В подлиннике «псинимаше».

Скорене славнаго цвет неразтленный
 Нравов же оческих образ с'вершенный
 Карол дванадцетой во младих¹² летех
 Мужество казует давнож. От детех
 Есть разлучимыи разумом телом
 Великодушием славою делом¹³
 Всех добродетелей оческ, ревнитель
 И неравнителен бедным кормитель
 Дай боже Каролу долго пожити
 Единодушно ему нам служитьи.

Это — третье известное нам стихотворение Спарвенфельда на русском языке. На два других указывает П. Н. Берков.¹⁴ Одно из них, написанное по-русски, сохранилось в рукописи, факсимильное воспроизведение которой приводит А. Йенсен;¹⁵ текст его напечатан Н. М. Петровским.¹⁶ Текст второго стихотворения параллельно на русском и латинском языках был напечатан латиницей Николаем Бергиусом;¹⁷ в русской транскрипции, с сохранением проставленных Спарвенфельдом ударений, он приведен в упомянутой статье П. Н. Беркова.

Интересно, что среди стихов «Речи» 23 написаны чистым четырехстопным дактилем, а в 19 стихах тонический размер Спарвенфельду не дался и их приходится считать одинадцатисложными силлабическими строками. Из прежде опубликованных стихотворений Спарвенфельда первое чисто силлабическое, второе уже строго тоническое. Очевидно, стихи при «Плачевной речи» являлись одним из первых, не вполне удачных опытов шведского слависта-дипломата в тоническом стихосложении.

«Плачевная речь» дает новый материал для истории русско-шведских отношений; этот новый документ показывает интерес, проявлявшийся в то время к России, и в частности интерес иностранцев к русской поэзии. Напечатанная латиницей речь Спарвенфельда содержит материал также для филолога и языковеда и, несомненно, привлечет (пусть даже только в фотокопии) внимание советских исследователей.

¹² В подлиннике «младэх».

¹³ В подлиннике «деделом».

¹⁴ П. Н. Берков. Из истории русской поэзии первой трети XVIII века. Сб. «XVIII век», вып. I, М.—Л., 1935, стр. 61—81.

¹⁵ A. Jensen. Die Anfänge der schwedischen Slavistik. Archiv für slavische Philologie, Bd. 33, Berlin, 1911, стр. 136—165.

¹⁶ Н. М. Петровский. *Analecta metrica*. «Русский филологический вестник», т. XXI, Варшава, 1914, стр. 536.

¹⁷ N. Bergius. *Exercitatio historico-theologica de statu ecclesiae et religionis Moscoviticae*. Holmiae, 1704.